

A watercolor illustration. In the foreground, a woman with blonde hair in a ponytail, wearing a black, form-fitting dress, is shown from the back, her right arm raised and holding a violin. In the background, a man in a dark suit is walking away from the viewer down a hallway. The style is expressive and painterly, with soft edges and a mix of dark and light tones.

Ален Грин

Волшебная калочка

Ален Грин

Волшебная палочка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64085752

Волшебная палочка: Перо; Москва; 2021

ISBN 978-5-00171-795-9

Аннотация

Имя автора – загадка, разгадав которую, можно приблизиться к великой силе мысли.

Первая подсказка – чтобы продвинуться вперед, необходимо вернуться назад, приумножить то, что есть, и расставить все по местам.

Вторая подсказка – в следующей книге.

Содержание

Ouverture[1]	5
Staccato[8]	21
Veemente[9]	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ален Грин

Волшебная палочка

© Ален Грин, 2021

* * *

*Отдельная благодарность Елизавете Шарман:
«Обоюдно полезный труд – рождает гармонию».*

*Помните – волшебство...
Посвящается тем, кто всегда рядом.*

Ouverture¹

С детства окружающие считали меня странной. Не «оригинальной», в смысле уникальной и единственной в своём роде, а именно странной: непонятной и чужой. Начиная с трёх лет, при звуках музыки я замирала с раскрытым ртом и невидящими глазами. Никто не мог сдвинуть меня с места: ни мама, ни папа, ни любимая бабушка, ни двоюродный брат Сёма, сын обожаемой тёти Иды. Я превращалась в моаи², в деталь окружающей обстановки, в стойкого оловянного солдата без выправки. Если подумать, жуткое зрелище. Когда я впадала в подобное состояние в неподобающем месте, например, на улице или посреди дороги, папа переносил меня, как предмет мебели.

Моё «застревание» доставляло близким много хлопот. Представьте такую картину: пришли вы с семьёй в театр на детский спектакль, с нетерпением ждёте третьего звонка, и тут ваше чадо, уловив из динамиков музыку, каменеет посреди холла. Ни призывы, ни громкие хлопки, ни увещающие взгляды не помогали. Единственное, что в подобных случа-

¹ Ouverture – увертюра (фр. *ouverture*, от лат. *apertura* – открытие, начало) – инструментальное вступление к театральному спектаклю, чаще музыкальному (опере, балету, оперетте).

² Моаи – (с гавайск. – статуя, истукан, идол) – каменные монолитные статуи на острове Пасхи в Тихом океане. В настоящее время известно более 900 статуй.

ях радовало родителей, – моя безропотность и смиренность: я покорно подчинялась судьбе и не причитала, пока меня доставляли к нужному месту. Некоторое время спустя я стряхивала навязчивое состояние и возвращалась из мира звуков в реальность.

Впервые подобное со мной произошло, когда мы – мама, папа, бабушка и я – поехали в гости к папиной сестре тётё Иде. Она устраивала небольшое семейное торжество в честь дня рождения своего мужа дяди Бори. Стол был уставлен всевозможными вкусностями, родственники спешили поделиться последними новостями, а дети сновали между взрослых, исчезая и появляясь то тут, то там, словно счастливые обладатели шапок-невидимок.

В тот раз родители взяли меня с собой впервые. Ребёнком я восприняла праздник так: много народа, какофония голосов, всюду шум, движение и суета. Я задохнулась, испугалась, притихла и забилась в угол. Меня легко было сравнить с затравленным зверьком: глаза увеличились, ноздри раздулись, дыхание сбилось.

Заметив мой испуг, тётя Ида отвела меня в другую комнату, посадила в кресло и включила пластинку – балет Петра Ильича Чайковского³ «Щелкунчик». Музыка пленила меня, приковала к себе, приворожила и поглотила. Я растворилась

³ Пётр Ильич Чайковский (25 апреля [7 мая] 1840, пос. Воткинск, Вятская губерния – 25 октября [6 ноября] 1893, Санкт-Петербург) – русский композитор, педагог, дирижёр и музыкальный критик.

в ней, как снежинка растворяется в стакане воды, превращаясь в её содержимое. Музыка стала мной или я ей. В те бесконечно счастливые минуты мы были едины. С тех пор, заслышав музыку, я плыла по волнам её хитросплетений, упивалась, захлебывалась и бредила ей. Слава Богу, моё «помешательство» было тихим, без истерии и надрыва. Единственным неудобством для окружающих были мои «выпадения» из реальности. Надо отдать должное родителям, они стойко переносили эти чудачества. Чтобы лучше познакомить читателей с родными, погружусь ненадолго в наш семейный быт.

Моя мама была любопытным, жизнерадостным и оптимистичным человеком. В нашей семье она исполняла роль двигателя: любые изменения происходили с её подачи. Когда она весело и широко улыбалась, на её щеках появлялись очаровательные ямочки, а когда смеялась, они превращались в игривые чёрточки. Её длинные, тонкие на концах брови практически никогда не хмурились, а если всё же удавалось вызвать их недовольство, они, слегка прикрывая строгий взгляд, забавно опускались. Русые волосы мама убирала в пучок, из которого всегда вырывались короткие прядки. Носить она предпочитала платья и юбки с блузками. «Так я подчеркиваю свою женственность», – говорила она, подбирая к наряду бусы. Мамина профессия считалась полезной в советские времена. Нет, она считалась полезной во все времена, но в советские, дефицитные, – особенно. Наше семейство одевалось по последней моде благодаря её про-

ворным и изобретательным рукам. Мама была портнихой. В моём гардеробе имелись блузки классические, с английским воротником, ковбойки; юбки прямые, с асимметричными складками, клёш; жилеты длинные, короткие – типа болеро; платья, брюки, сарафаны и пальто. Она часто цитировала строчки из стихотворения Сергея Михалкова⁴ «А что у вас?», слегка переиначив их: «И спросила Лара тихо: – Разве плохо быть портнихой? Кто трусы ребятам шьёт? Ну конечно, не пилот». После добавляла: «У меня самолёта нет, но швейная машина имеется!»

В зале, где жили родители, папа обустроил маме рабочий уголок, который, в случае прихода гостей, мастерски прятался за резной перегородкой. Нитки, иголки, напёрстки, отрезы, выкройки – всё это были предметы, наполнявшие наш быт. Журналами «Я шью сама», «Работница», «Крестьянка» и немецким «Burda» были забиты нижние полки стенки и два ящика комода. Соседи справедливо называли маму рукодельницей; к ней в ателье стремились попасть многие модницы района. Чтобы не создавать толпу из страждущих красиво одеваться, заведующая вынуждена была ввести запись посетителей. Но моё описание получилось безликим, так как по неосторожности я не упомянула мамино имя. Имена, чаще всего, дают нам родители. Кто-то долго и тщательно под-

⁴ Сергей Владимирович Михалков (28 февраля [13 марта] 1913, Москва – 27 августа 2009) – советский русский писатель, поэт, драматург и публицист, военный корреспондент, сценарист, баснописец, общественный деятель.

бирает его, искренне надеясь найти наиболее точное и подходящее, кто-то руководствуется веяниями моды, кто-то, теша амбиции, хочет выделиться из толпы, кто-то, следуя семейным традициям, передаёт имя, как эстафетную палочку. В любом случае, это личное дело семьи. Расскажу, при каких обстоятельствах получила имя моя мама. Но, прежде чем я перейду к хронологии событий, напомним об одной птице. Полагаю, практически каждый слышал о чайках. Эта, любящая воду и простор, птица весьма полезна и хитра. Когда мы произносим слово «чайка», мы, поймав направление ветра, парим на крыльях над бескрайними морскими просторами, слышим шум прибоя и видим искрящуюся на солнце рябь, мы, подобно любознательному Икару⁵, стремимся подняться высоко в небо и постичь его глубину. Чайка – именно так звали мою маму. Дедушка, правда, хотел назвать её Василисой, но, узнав о желании мужа, бабушка всполошилась. Во-первых, по её уверениям, выговаривать длинное Ва-си-ли-са, подзывая дочь к обеду, неоправданная трата времени, во-вторых, звать дочь коротко – Вася, наделяя её при этом мальчуковыми замашками, глупо и нелепо. Поэтому она пошла в ЗАГС и записала маму под именем Лариса. Но маму Ларисой никто не звал: с детства к ней прилипло короткое Лара, близкие подружки звали её Лоркой, а папа, когда ему было

⁵ Икар – сын Дедала и рабыни Навкраты, известный своей необычной смертью. Во время перелёта в Элладу Ирак, забыв, что крылья, сделанные отцом, скреплены воском, увлёкся полётом, упал и утонул.

что-то нужно, нежно окликал её Ларочкой. Так и повелось.

И, если мама в нашей семье исполняла роль двигателя, то папе безоговорочно принадлежала роль руля. Не будем, однако, забывать, что руль приходит в рабочее состояние только при заведённом двигателе. Стоило маме подкинуть папе дельную мысль, и он тут же мастерски её исполнял.

По характеру папа был человеком строгим, но справедливым: если ошибёшься, будь добр извлеки из этого пользу и сделай вывод. «Знания должны приносить практическую пользу», – часто говорил он. Папа любил читать приключенческую литературу и детективы. Когда он погружался в приключенческий мир, то весело смеялся и громко цитировал понравившиеся моменты, а когда читал детективы, то хмурился и ничего не цитировал, только изредка добавлял сучье: «Н-да-а-а». Когда он думал, то почёсывал правый ус и часто хмурил брови, отчего на лбу залегла глубокая чёрточка, а когда злился, согнутым большим пальцем водил по переносице. Зрение, учась в университете на инженера-технолога, он сильно посадил, поэтому, когда читал, надевал очки. Чёрные, густые волосы папа никогда не стриг коротко, говорил: «С волосами и ум отсечь можно», а за усами прилежно следил. Имя у папы было сильное, мощное, звериное – Левин *Лев* Аркадьевич. По-моему, звучит отлично.

Двигатель и руль – это, безусловно, самые необходимые части автомобиля, но без комфорта никуда. Этим комфортом в нашей семье была бабушка Лида, мамина мама. У мо-

ей ещё молодой бабушки было широкое добродушное лицо с чистым взглядом и широкой улыбкой. Полнота её ничуть не портила, наоборот, разглаживая морщинки, делала её моложавее. Коротко стриженные светлые волосы она убирала за уши, чтобы не мешали, когда занималась делом. Обесцветившиеся с возрастом брови и ресницы по праздникам подкрашивала. Одевалась строго, со вкусом, без излишеств. Бабушка обожала чистоту и заставляла соблюдать её. У неё в руках всё спорилось: за что ни возьмётся, сделает в лучшем виде. Ещё она была изобретательным поваром. Я обожала её молочную вермишель, яблочные пироги, творожники, холодец и чебуреки. На первый взгляд обычные домашние блюда, но в её исполнении они получались особенными: то форму выпечке придаст оригинальную, то добавит в блюдо новый ингредиент, то, начитавшись книг по кулинарии, изобретёт новый салат. В общем, бабушка колдовала над блюдами, как заправский шеф-повар.

Вернёмся, однако, к повествованию. В детском садике я неоднократно и планомерно, но не намеренно, выводила из себя музыкального руководителя Анну Борисовну: я фыркала, если она случайно брала не ту ноту, молчала, когда все пели, – изучала мотив и пела, когда все молчали, – ловила, наконец, нужную тональность. Я танцевала, когда все стояли, – в моей голове возникала услышанная накануне музыка, и стояла, когда все водили хоровод, – однообразные, громкие, резкие звуки фортепиано, на котором играл не лучший

музыкант, раздражали меня. В конце концов, фыркала Анна Борисовна. Она шумно выдыхала, хмурилась и начинала выговаривать сквозь зубы слегка гнусавым голосом: «Несносная, невоспитанная девчонка! Сколько раз тебе нужно повторять одно и то же? Когда, скажи, наконец, ты научишься слушать? Ну, что мне с тобой делать?» Под конец она почти всегда выгоняла меня в коридор. Со временем я поняла, что заслуженно. Но тогда, в детстве, мне было обидно, – музыкальные занятия, в отличие от музыкального руководителя, я любила.

Когда я пошла в первый класс, родители понадеялись, что мои «странности» закончатся: школа требует ответственности, собранности, организованности и, наконец, дисциплинированности. Но, увы, ничего не изменилось. Я по-прежнему жила на музыкальной волне. Людей это задевало, раздражало, а иногда и злило. Но я ничего не могла с собой поделать: мне было комфортно там – внутри себя.

Любой разумный человек сказал бы: «На том хватит». Но Богу было угодно прописать мой жизненный путь под лозунгом: «Per aspera ad astra»⁶. Посему я была наделена ещё одной интересной и индивидуальной особенностью: крутилась, вертелась, затухала и разгоралась в соответствии с услышанным внутри мотивом. Так, на уроке чтения, математики или природоведения я могла «рисовать» руками, расставляя акценты в мелодиях, звучащих в моей голове. Попытки учи-

⁶ Перевод с латинского – «Через тернии к звёздам».

тельницы начальных классов побороть моё влечение были бесплодны и пусты. Чем сильнее она умирjala меня, тем дальше и глубже уносилась я в мир неповторимых, ярких, сказочных звуков. Разлучить меня с музыкой не мог никто. Попробуйте отделить мышцы от человека, попробуйте высосать кровь – невозможно, невысислимо! Музыка была моей сущностью: мозгом, кожей, сердцем, мышцами, она была мной.

По стечению обстоятельств или по какому-то другому стечению, я жила с музыкой единой жизнью и в то же время мы не пересекались. Не знаю почему, но я никогда не помышляла учиться в музыкальной школе. И вот однажды, вернувшись с собрания, где учительница в очередной раз рассказала о моих «странностях», родители сообщили мне прямо в коридоре неожиданную и потрясающую новость, которая изменила всю мою жизнь.

– Не знаю, что ты на уроках вытворяешь, но так продолжаться больше не может! – заявил папа. – Завтра мы идём в музыкальную школу, – он разулся, снял плащ и, громко топая, прошёл в комнату.

– Дорогая, – мягко и певуче вступила мама. Она присела на корточки и взяла меня за плечи. – Учительница сказала, тебе надо связать судьбу с музыкой.

Я молчала.

– Мы сходим и узнаем, примут ли тебя: учебный год уже начался.

Я молчала.

– Возможно, придется пройти прослушивание. Преподаватели должны проверить, есть ли у тебя музыкальный слух. Понимаешь?

Я молчала.

– Хорошо, что понимаешь, – мама улыбнулась. – Ты согласна? – её глаза, освещённые мягким светом бра, блестели. – Вот и замечательно! – она притянула меня к себе, крепко обняла и с пылом поцеловала.

Я по-прежнему молчала и смотрела перед собой. Мамины слова доносились словно сквозь водяной барьер – приглушённо, отдалённо, неясно. В этот миг я чётко и внятно слышала только музыку, бегущую ко мне с кухни скачками, дующую в лицо, развевающую волосы, обнимающую и уносящую в прекрасные мелодичные дали. Я была поглощена узорным звучанием и воспринимала реальность отдельными невнятными фрагментами. Вот так, в полубессознательном состоянии решилась моя судьба.

На следующий день мы отправились в музыкальную школу. Папа надел строгий костюм, мама – элегантное платье. Я была вынуждена срастись с шерстяной красной клетчатой юбкой и белой блузкой. На этом настояла бабушка. На улице мы столкнулись с соседкой тётёй Таней. Это была полная женщина с недовольным лицом и ворчливым нравом. Увидев нас, она нахмурила брови.

– В театр, что ли, собрались? – её обуревали сомнения.

Это было заметно по игре мысли, отразившейся на лице. – Так рано. Время к обеду подходит. Театр-то к вечеру открывают.

– Добрый день, Татьяна Дмитриевна, – приветливо поздоровалась мама. – Мы не в театр, мы Нюту в музыкальную школу ведём.

– Ясно, ясно, – в такт слов кивнула она. – Ей только музыкальной школы не хватает, – добавила со знанием дела.

Тетя Таня упёрла руки в боки, свела плечи и приготовилась к нападению: она собиралась высказать моим непутёвым родителям всё, что накопилось у неё в душе.

– Некогда вдаваться в рассуждения, – грубо оборвал её папа и поспешил к автобусной остановке.

Не любил он тётю Таню, а также её неуместные советы и замечания. Попрощавшись, мама побежала следом: у отца была быстрая стремительная походка.

– Что замерла, как цапля у воды? – хмыкнула тётя Таня. – Беги, догоняй родителей. Или ты опять... – она с недоверием посмотрела на меня, закатила глаза и сделала волнообразные движения ладонью.

– Тётя Таня, я вчера вечером в подъезде Лерку с Пашкой видела, – выпалила я.

Лерка была её дочкой, а Пашка – местным хулиганом. На лице женщины отразилось беспокойство. Она свела брови и нервно потёрла затылок. Довольная выходкой, я помчалась вслед за родителями.

Одна остановка на автобусе, небольшая прогулка пешком – и вскоре мы остановились напротив двухэтажного здания, разделённого цветами пополам: сверху дом был красным, снизу – розовым. Непривычный контраст притягивал взор и удивлял. Особенно запомнились странные окна: одно круглое, другое в виде перевёрнутой юбки. Раньше я таких окон не видела, потому не могла оторвать от них изумлённого и заинтересованного взгляда. Внезапно из окна второго этажа зазвучала музыка. Оригинальность дома ушла на второй план. Я осознала, что стою перед домом Эвтерпы⁷. Я потянулась к зданию спонтанно, интуитивно, слепо и безотчётно, словно в его недрах притаился огромный магнит, который с невероятной силой тянул в царство музыки и нот, звуков и гамм. Скорее туда, в гости к удивительным окнам, к деревянной двухстворчатой двери, к невысоким ступеням; быстрее в мир мелодий, темпов, ритмов, звуков, в бескрайний простор музыкальных композиций. Я не могла устоять на месте. Чтобы не потерять дочку в незнакомом здании, мама с силой придерживала меня за плечо.

– Этот дом, – неожиданно заговорила она певучим голосом, – построен в необычном стиле. Об этом свидетельствуют асимметричность и изящные плавные линии.

Мама произнесла это с удовольствием, растягивая и смакуя слова. Она делилась с трудом добытыми сведениями, и ей казалось, что они придают её персоне важности, приобща-

⁷ Эвтерпа – муза лирической поэзии и музыки.

ют к культуре. Но папа архитектурой, впрочем, как и культурой, никогда не интересовался. Он слушал маму рассеянно и думал о чём-то своём, как ему казалось, более важном. Я же вообще не понимала, о чём она говорила.

– Нам стоит покончить с этим делом, – серьёзно сказал папа и, сделав несколько стремительных шагов, открыл дверь.

Тут я не выдержала, выкрутила руку и рванула вперёд. Немыслимо, невозможно, просто несправедливо, если кто-то из них первым войдёт под свод «дворца» музыки! Я забыла о культуре, об этике, о правилах поведения и ворвалась внутрь. Но как только я переступила порог и слышала мелодию, стремительную, прыткую, быструю, весёлую и озорную, остолбенела и притихла. Моя прыть улетучилась. В одночасье меня не стало. Я превратилась в слух, в нечто подвластное чувствам, эмоциям, настроению, музыке... Тщетно папа тряс меня за плечо, а мама смотрела в глаза – я их не видела. Я беззвучно шевелила губами, пытаюсь воспроизвести мелодию. Но вот звуки стихли, и родители облегчённо вздохнули – я пришла в себя.

– Дорогая, ты уверена, что нам стоит отдавать её в музыкальную школу? – обеспокоенно спросил отец. – Её сочтут чокнутой! – эмоционально, но тихо произнёс он. – Представь, что она *здесь* начнёт вытворять!

– Честно, дорогой, не знаю, – нотки тревоги угадывались в голосе всегда спокойной и рассудительной мамы. – Но, подумай сам, что нам остаётся? Все соседи судачат о её «стран-

ностях». Если Ньюта начнёт здесь учиться, мы всегда сможем сказать, что это творческие искания, – она умело ввернула умное словечко, сделав торжественный жест рукой.

– Значит, решено, – папа отправился искать директора.

Мы с мамой остались ждать в вестибюле. Я с интересом рассматривала необычный и непривычный интерьер, мама теребила хвостики браслета и смотрела в ту сторону, где скрылся папа. Несколько минут спустя он показался в сопровождении невысокой полной женщины в сером брючном костюме. Короткая стрижка шла ей и делала её полное лицо уже и моложе. На левой щеке у неё сидела похожая на изюминку родинка. Она придавала владелице индивидуальность. Можно увидеть много разных лиц, но запоминаем мы те, что имеют некую особенность, характерность, оригинальность. Таковым было и её лицо – светлое, доброе, мягкое и приветливое, с весёлой родинкой-изюминкой.

Мама порывисто поднялась навстречу женщине, сжала на груди руки, сбивчиво рассказала о моих «странностях», попросила, чтобы меня «посмотрели», жаловалась, что не знает, что со мной делать. Женщина внимательно и спокойно выслушала сбивчивый рассказ и сказала:

– Не волнуйтесь, мы с удовольствием её «посмотрим».

Родители остались в вестибюле, а меня повели в небольшую комнату, где было холодно и сыро: в школе отопительный сезон, как и во всём городе, ещё не начался. Я осмотрелась: два шкафа, два пианино, стулья, доска, как в классе, –

вот и вся обстановка. За инструментом сидели двое: девочка моего возраста и женщина с грустными глазами и добрым миловидным лицом, которое обнимали мягкие чёрные локоны. Девчонка хлюпала носом, сопела, хмурилась и упрямо, напористо, настойчиво долбила по клавишам. Женщина терпеливо кивала в такт музыке. Заслышав нас, обе обернулись. Моя спутница обратилась к коллеге:

– Софья Михайловна, проверьте, пожалуйста, музыкальные способности девочки, – она мягко опустила руки мне на плечи.

Миловидная женщина поманила меня к себе. Обладая бойким нравом, я смело подошла и посмотрела ей в глаза. Она ласково улыбнулась и попросила пропеть ноту, которую сыграет. Ерунда! Я повторила точь-в-точь.

– Неплохо! – похвалила она, потом развернула меня спиной к инструменту, нажала на клавишу и попросила отыскать её.

Шесть раз я коснулась холодных клавиш пальцем. Двумя первыми касаниями сузила поиск, потом, идя по ходу, остановилась на нужной ноте. Я шлёпнула по клавише несколько раз, чтобы убедиться самой и убедить окружающих. Этот трюк Софья Михайловна проделала со мной несколько раз, и каждый раз на поиски уходило меньше времени.

Потом она попросила меня спеть песенку и станцевать под её мотив. Вот тут я пустила в ход всё своё воображение. Сама я не танцевала, танцевали мои руки. Они взмывали и опус-

кались, выписывая при этом захватывающие выражи. Софья Михайловна, глядя на моё самовыражение, весело улыбалась, и это меня ещё больше распалило. Я стала внимательнее слушать мотив мелодии, и руки послушно следовали за мной: точка, вверх вместе с музыкой и вниз за ней, в стороны за разрастающимся звуком и в точку за угасающим мотивом. Всё – музыка стихла, я остановилась. Женщины весело рассмеялись, девочка за фортепиано смахнула повисшую соплю и тоже рассмеялась, демонстрируя рот, опустевший на передние зубы. Со мной делали что-то ещё, но я смутно помню это. После длительного обсуждения меня и моих родителей обрадовали известием: со следующей недели я становлюсь ученицей двух школ, одна из которых – музыкальная.

Staccato⁸

В Пензенской музыкальной школе, старейшей музыкальной школе России, я проучилась семь лет. Я посещала фортепианное отделение, уроки сольфеджио, занятия по музыкальной литературе и вокал. Столкнувшись с суровой правдой жизни, каждодневными нудными занятиями и тренировками, я взвыла, как пленённый зверь. Мои необоснованные детские амбиции необходимо было уложить в семь нот, в двенадцать мажорных и минорных гамм, в учебник гармонии! Ох, как отчаянно сопротивлялась я кожуху нужности и правильности. Я ненавидела играть на фортепиано: руки, ноги, пальцы, кисти – следи за их положением, вместо того, чтобы играть с музыкой, уноситься с ней в бесконечные дали. Разучивая пройденный материал, я раздражалась и злилась, гневно сводила брови и сжимала губы, стискивала кулаки и сотрясала ими воздух, но, надо отдать должное Софье Михайловне, её терпению не было предела. Сотни, тысячи раз повторяла она: «звучи на кончиках пальцев», «локоть делает дугу», «слушай себя», «полюби мелодию». И я слушала, делала замах кисти без зажима, барабанила стаккато, выдавливала легато, беспрерывно нудно ныла и злобно сопела, в общем, делала всё, чтобы избавиться от постигшей меня

⁸ Стаккато – (итал. staccato – оторванный, отдельный) – музыкальный штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто, отделяя один от другого паузами.

справедливой кары. Но день шёл за днём, месяц за месяцем, а, как известно, вода камень точит, повезло мне с преподавателем. Постепенно моя злость превратилась в упрямство, а нытьё в терпение. Звучание инструмента улучшилось, а я поумнела (на тот момент мне так казалось). Я полюбила уроки сольфеджио: там учили расшифровывать звучание музыки, скользить вместе с ней по нотам. Разлинованные тетради стали родными, крючки-ноты – любимыми закорючками, и лишь высокие деревянные двери по-прежнему пугали своей неизмеримостью. Они напоминали древних стражей или могучих атлантов, грозно нависших надо мной и неустанно защищавших право быть музыкантом.

Вскоре в моей комнате появилось пианино. Нам продала его та самая соседка тётя Таня. В день, когда папа с другом перенесли инструмент, она ходила по моей комнате и приговаривала: «Стояло, место занимало. Лера давно не играет, а всё стояло, пыль собирало». Похлопав ладонью по лакированной поверхности инструмента, добавила: «Ох, и мука с тобой. Отдать – отдали, а дырку на обоях как закрывать?» Ходила минут двадцать, круги наворачивала, от своей квартиры до моей комнаты и обратно. Временами останавливалась, смотрела на инструмент, качала головой и раздражённо бурчала: «Ты теперь гаммами нас замучаешь. Уж лучше б оставила пылесборник на месте: и дырка закрыта и шума меньше». Наше семейство вздохнуло с облегчением, когда из коридора донёсся запах горелого и тётя Таня выскочила

со словами: «Батюшки, там же курица тушится!»

Надо признаться, я действительно мучила соседей монотонными, мяукающими, резкими и громкими звуками – без изнурительных тренировок пианистом не стать. Временами я со всей силой ударяла по клавишам, временами касалась их с замиранием сердца, с любовью выводя музыкальный узор. Люди реагировали на мои творческие изыскания по-разному: кто-то ругался, и мне приходилось прерывать репетиции, кто-то, услышав любимую мелодию, хвалил, кто-то, устало вздыхая, терпел. Однажды на лестничной площадке мы встретили соседку с третьего этажа тётю Свету. Завидев меня, она по-доброму засмеялась и сказала:

– Аня, Аня, ты нас «дождиком» насквозь измочила.

Дождиком называлось первое разученное мной музыкальное произведение.

– Не сплести кружевную салфетку, нитку не соткав! Вы уж потерпите, пожалуйста, пока Ньюта учится, – искренне извинялась мама. – На днях приходите к нам в гости пить чай с малиновым пирогом.

Чаепитие в нашем доме было мероприятием частым, и, благодаря маминым стараниям и бабушкиным пирогам, соседи смирились с тем, что в их доме живёт музыкант. Так и говорили: «Анют, ты уж оправдай наши мучения. Стань известным пианистом». Постепенно быт с соседями налажился: и играть я стала на порядок лучше, и они привыкли к моим душевным поискам и каждодневным тренировкам.

В музыкальной школе, впрочем, как и в обычной, друзей у меня не было: за странности, несговорчивость и бойкий нрав меня не любили. Я отвечала ребятам взаимностью: мне не нравилось желание одноклассников приструнить меня, сделать обычной, «нормальной». Любому, даже мальчишкам, которые дергали меня за косы, я могла дать отпор. Я дёргала обидчиков за нос, за ухо или стопкой нот хлопала хулиганов по макушке. Слава Богу, в музыкальной школе совместных занятий было мало, и я не успевала со всеми перессориться. В обычной же школе от тесного общения не спрячешься: я не ладила с девчонками и дралась с мальчишками. Вскоре получила статус изгоя, над которым можно и нужно поиздеваться. За частые драки получала нагоняи от мамы.

– Ты же девочка! – возмущалась она. – Разве так можно?

– Он первый начал! – грозно топая ногой, протестовала я.

– Не отвечай, отойди в сторону, дождись взрослого. К тому же, Софья Михайловна сказала, тебе руки беречь надо, относиться к ним аккуратней, – мама показала на запястье. – Какое там аккуратней, – провела по пальцам, – когда на руках синяки и кожа содрана. Что Софья Михайловна завтра скажет? Заканчивай с драками! Слышишь?

Я слышала, но... Я ученица двух школ, и «это так организовывает» – хвастала мама перед подругами, а я твердила эту фразу, когда хотела двинуть Кольке Ивину по голове за то, что он выбросил мой портфель в мальчишеский туалет. Пытаясь вытащить портфель из уборной, я пропустила по-

следний урок, за что сразу получила выговор. Но это были цветочки... Мальчишки, по сговору с девчонками, запирали меня в классе, выкидывали мой портфель из окна, рвали ноты, сваливали вину за чьи-то проделки, прятали верхнюю одежду и обувь. Какое-то время я терпела, но потом гнев овладевал мной, и меня несло, как тайфун, как ураган, как цунами. Я ничего не видела и не слышала. Тонкие руки и пальцы пианистки превращались в упругие ивовые ветки, которые с пылом и азартом раздавали хлёсткие удары направо и налево. Не знаю, чем бы всё закончилось, скорее всего, меня бы выгнали из школы, если бы наша одуревшая от выходок и баталий классная руководительница не ушла на заслуженный отдых. Ей на смену пришёл молодой преподаватель – Иван Сергеевич Костин. Учителем он был строгим, но справедливым, а человеком умным, добрым и ответственным. Однажды, застав наш класс в момент петушиных боёв, он устроил разбор «полётов» тут же. В тот день Иван Сергеевич договорился с директором о походе в музей и пришёл сообщить нам эту радостную новость. Он машинально поймал мой портфель, который, подобно ракете, запустили в пространство коридора, и, ошарашенный, замер. Затем энергично тряхнул головой, и полетели наши петушиные перья. Досталось всем, без исключения. В тот раз наш класс в музей не пошёл. Дружной толпой мы отправились убирать школьную территорию. С того дня меня никто больше не мучил и не обижал – Иван Сергеевич не позволял. Он всех органи-

зовал и занял делом, а конфликты разрешал, не дожидаясь их обострения.

Потом в наш класс перевелась девочка Соня, и у меня появился первый друг, точнее, подруга. Весёлая белокурая девчонка с курносым носом, усыпанным многочисленными точками, не обращала внимания на всеобщее мнение и первая предложила дружить. Мы быстро нашли общий язык и обросли схожими интересами: игры, книги, прогулки, музыка. На моё счастье, Соня любила музыку. Наш союз с каждым днём креп. Соня часто приходила ко мне в гости. Мы обсуждали полюбившиеся книги и музыкальные произведения. Я рассказывала ей о композиторах и музыкальных направлениях, она – о птицах, которых любила, и о физике, которой бредила. Ещё одним плюсом Сониной натуры было умение терпеливо относиться к чужим вкусам и интересам. Её абсолютно не трогало то, сколько раз я проигрывала одно и то же произведение. Она с умным видом отрывалась от своего дела, смотрела на меня и говорила:

– Анька, опять ты не стараешься! Мы так до ночи на улицу не выйдем.

Если моя тренировка затягивалась, она находила себе дело (лежала на диване с книжкой, разукрашивала картинку или помогала бабушке держать шерсть) и не донимала меня понуканиями. Она никогда не подлизывалась, говорила то, что думала. Одним словом, Соньку я обожала. Её появление в моей жизни походило на рождение первых цветов, на све-

жий ветер, на яркий рассвет. Она спасла меня от уныния и грусти, и я всем сердцем была ей за это благодарна.

Позже, когда мне исполнилось тринадцать, я познакомилась с ещё одним необычным человеком – Кириллом Тёмным. Он с родителями приехал с севера, из Воркуты, и пришёл учиться в мою музыкальную школу. Вместе мы посещали фортепианное отделение и занятия по музыкальной литературе, а ещё мы постоянно сталкивались по дороге домой: жили по соседству.

Кирилл был необычайно красивым мальчиком: правильные черты лица гармонично сочетались с голубыми глазами и пшеничными волосами. Он чем-то походил на героя фильма «Сказка о звёздном мальчике». Стоило кому-то обмолвиться об этом, и прозвище «звездный мальчик» прочно срослось с ним. Но справедливости ради нужно отметить, что прозвище досталась ему не только благодаря внешности: Кирилл был талантливым пианистом. В тринадцать он играл так, что все без исключения прочили ему мировую известность. Да, к нему прицепилось прозвище, а он почему-то прицепился ко мне. Сначала я заметила, что во время занятий он украдкой поглядывал в мою сторону. Со временем обратила внимание, что он уходил из школы одновременно со мной и, держась чуть поодаль, неторопливо следовал по пятам. В конце концов, дошло до того, что он не сводил с меня глаз. Лишь изредка отвлекался, машинально барабанил пальцами по столу, отрабатывая музыкальный отрывок,

но потом его взгляд, подобно всевидящему толкиеновскому оку, возвращался ко мне.

Непривыкшая к повышенному вниманию, я терялась, не знала, как себя вести. Это состояние доставляло дискомфорт, я злилась и раздражалась. Как-то по дороге домой я не выдержала, порывисто развернулась и зло спросила:

– Зачем ты за мной ходишь?

– Ты мне нравишься, – без тени смущения заявил он.

– А ты мне – нет! – мне хотелось разозлить его.

– Почему? – искренне удивился он и сбил меня с негативной волны.

– Не нравишься и всё! – безжалостно врала я, но осевший тон выдавал меня с потрохами.

– Всем нравлюсь, а тебе нет? – казалось, это заявление сбilo его с толку. Не зря говорят: «Наглость – второе счастье». – Я рад, что не нравлюсь тебе, – радостно воскликнул он.

– Тебе не нравится *нравиться*? – моё изумление было искренним.

– Постоянное внимание утомляет, – признался он.

– Но всех гениальных людей рано или поздно ждёт слава, а вместе с ней внимание. Если ты станешь известным...

– Не стану.

– Почему? – категоричность в его голосе обострила моё внимание. Интерес к этому мальчику рос с каждым новым словом.

– Не хочу, – при этих словах он поморщился, будто увидел что-то противное.

– Что-о-о? – моё изумление достигло апогея.

– Ты тоже гениальна.

– Я??? – Это заявление потрясло меня. Мне стало смешно. – Первый раз подобное слышу.

– У тебя тонкий слух, – задумчиво протянул он, потом его губы сжались. – А ещё... я играю правильно, технично, а ты – гениально. Ты чувствуешь музыку нутром. Так сказала Ольга Ивановна. Я вчера случайно услышал их разговор с Софьей Михайловной.

– Ольга Ивановна? Руководитель фортепианным отделением? – я отмахнулась. – Я тебя умоляю! Она меня всё время ругает. Говорит, что я – лентяйка.

– Одно другого не исключает, – он почему-то разозлился. – Кстати, ругает она тебя, чтобы расшевелить.

– Это она так сказала? – с иронией спросила я.

– Нет, это я так думаю, – он пристально наблюдал за моей реакцией.

– Хватит выдумывать, – я отнеслась к его словам, как к неудачной шутке: не привыкла слушать лестные речи.

Но я не понимала, зачем он так зло пошутил? Я уже развернулась, чтобы уйти, но следующая фраза парализовала меня.

– Ты знаешь кличку, которой тебя наградили?

– Кличку? – поразила я. – У меня нет клички! Даже к

фамилии придаться трудно, – меня обидели не его слова, а то, как он сказал это. – Это у тебя есть кличка, – вспомнив азы культуры, я поправилась: – прозвище.

– У меня, может, и прозвище, а у тебя кличка, – он ухмыльнулся и сказал: – «Долбанутый гений».

– Что? – от возмущения я захлебнулась. – Что ты сказал? – пришла в себя и приготовилась к атаке.

– Все за глаза так тебя называют. Не знала?

– Первый раз слышу, – процедила я сквозь зубы.

– Впрочем, – иронично отметил он, – с твоими полётами во сне и наяву это не удивительно.

– С какими ещё полётами? – предвкушая очередное открытие, я невольно отступила: Кириллу удавалось удивить меня.

– Мысленными, – он возвёл глаза к небу.

– Нет у меня никаких полётов! – я с силой сжала кулаки и подалась вперёд.

– Конечно, нет! Только временами из реальности выпадаешь.

– Выпадаю из реальности? – машинально повторила я, чтобы лучше осознать услышанное.

– Помнишь, вчера ты сидела в коридоре и ждала Софью Михайловну? Сидела, сидела и выпала: взгляд стал стеклянным, а губы зашевелились, словно ты читала заклинания. Катя Громова сказала, что фокус покажет. Она встала напротив и помахала у тебя перед глазами рукой – ты даже глазом не

моргнула. Она взяла у тебя из рук книги – никакой реакции, назвала тебя «долбанутым гением» и добавила, что сегодня ты об этом и не вспомнишь, – он улыбнулся. – Она оказалась права.

– Зачем ты это мне рассказываешь?

– Чтобы ты научилась контролировать свои творческие выпадения, – пояснил он.

– Зачем? – я не верила в добрые намерения людей, потому пыталась докопаться до истины.

– Глупо выглядишь со стороны, а я не хочу, чтобы над тобой смеялись.

– Спасибо, конечно, но мне всё равно.

– Всё равно сейчас, а потом?

– Потом – будет потом, – отрезала я.

Я развернулась и ушла, так как сочла разговор оконченным. В тот вечер, несмотря на неприятную беседу, я была счастлива, услышав от самого красивого мальчика в школе, что нравлюсь ему. Эта часть диалога льстила мне, и я смаковала её, воспроизводя в памяти вновь и вновь. О другой части разговора я забыла. Какая разница, как меня называют? Сути дела это не меняло. Даже если бы меня называли коровой, я бы ей не стала. Сделав подобный вывод, я забыла неприятную часть беседы. Это был мой промах, моя ошибка, за которую впоследствии я дорого заплатила.

С Кириллом мы постепенно сблизились: вместе ходили в музыкальную школу, возвращались домой, встречались и

слушали музыку, играли на фортепиано. Временами мы так увлекались, что наша игра перерастала в поединки, в соревнования; временами нам хотелось всех изумить, и мы музицировали в четыре руки. Когда мы говорили о музыке, создавалось ощущение, что мы понимаем друг друга с полуслова: не успевал Кирилл высказать мысль, как я уже знала, что он этим хотел сказать. Когда говорила я, он утвердительно кивал в ответ. Эта согласованность не была наигранной. Я знала это, чувствовала.

Видя нашу слаженность в работе, ребята в школе стали дразнить нас чокнутой парочкой. С одной стороны, меня это злило, потому что в глазах ребят отражались зависть и ехидство, с другой, радовало, потому что Кирилл всё больше и больше нравился мне. Я надеялась, что рано или поздно мы на самом деле станем парочкой. Когда я украдкой проговаривала слово «нравится», то испытывала блаженство. На снегу и на запотевших окнах, пока никто не видел, я рисовала цветы, которые распускались в моём сердце. Кирилл, как все мальчишки, на подобные провокации реагировал сухо и сдержанно. Он пожимал плечами, брал мою сумку и говорил: «Пойдём». С боевой готовностью я срывалась с места. Мы неспешно брели по заснеженным тёмным улицам и тихо разговаривали. Мне казалось, я кружусь в упоительном, лёгком, изящном вальсе вместе со снежинками. В такие моменты я была неподдельно счастлива.

Так продолжалось около года, до тех пор, пока однажды я

не выиграла конкурс молодых талантов. Его проводили под Новый год на базе нашей школы. К нему все долго и тщательно готовились. За неделю до конкурса Кирилл неожиданно ограничил наши встречи, объяснив это необходимостью сосредоточиться. Вполне разумно, но не для того, кто пребывает в плену чувств. С его доводами я согласилась, но всё равно обиделась.

Пока Кирилл был рядом, я в полной мере не задумывалась о конкурсе. Конкурс так конкурс. Что такого? Но когда осталась наедине с собой, волнение и тревога захлестнули. Что если провалюсь? Что если не оправдаю возложенных надежд? Что если отключусь? Я так переживала, что места себе не находила. Измучила домочадцев непрерывной игрой одного и тоже же произведения. Для неискущённых в музыке произведение звучало одинаково. Я же, пытаюсь наполнить композицию смыслом, объёмом и чувствами, каждый раз играла по-другому. Я выжимала из старого пианино последние силы, и инструмент, в силу возможностей, послушно следовал за мной. Вместе мы страдали, пели, жили, дышали, умирали и возрождались. Первой моих творческих исканий не выдержала бабушка, она буквально вытолкнула меня на лестничную площадку со словами:

– Не мешало бы свежим воздухом подышать.

Вдогонку она кинула мне пальто, шапку, шарф и с шумом закрыла дверь.

Я оделась и нехотя вышла на улицу. Двадцать минут тоск-

ливо смотрела в наше окно на четвёртом этаже. В стёклах отражались серое невзрачное небо и ветки рядом стоящей берёзы. Я не могла играть, но это вовсе не означало, что я не могла тренироваться. Музыка звучала во мне, и пальцы проворно бегали по спинке скамейки. Окружающая действительность померкла – я перенеслась в волшебный и неповторимый музыкальный мир. Вперёд, быстрее, выше – звали меня звуки, и я безоговорочно подчинилась им. Я понятия не имела, что Кирилл наблюдал за мной из окна своей комнаты. Об этом я узнала случайно, много позже, от его папы. Он сказал, что они с женой в тот день не на шутку испугались: Кирилл, пока наблюдал за мной, ни на что не реагировал, а когда я пропала из виду, заперся у себя в комнате и весь вечер, пока позволяло время, играл. Прежде его родители такой злой, острой, тяжёлой, остервенелой и мучительной игры не слышали. Утомившись, Кирилл с силой ударил по клавишам, опустил крышку инструмента и без объяснений ушёл из дома. Вернулся он за полночь, тут же разделся и лёг спать.

Я тот вечер провела не так экспрессивно. Перед тем как заснуть, я красочно представила своё выступление: как выйду, как поклонюсь, как сыграю, как Ольга Ивановна покачает головой и скажет, что справилась я неплохо, но если бы не ленилась, получилось бы лучше. Она всегда так говорила. Я даже видела морщинки возле её глаз. С этими мыслями переместилась в новый день.

Когда мы с Кириллом возвращались с конкурса, я скакала от счастья, я парила в облаках. «Первое место! Победитель!» – бальзамом лилась долгожданная похвала. Это окрыляло и вселяло надежду. Может, я действительно смогу добиться успеха? Самым радостным было то, что меня похвалила Ольга Ивановна. В этот вечер морщинки у её глаз непривычно улыбались мне. Высшая награда!

Вдруг я заметила, что Кирилл замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Было видно, что он о чём-то напряжённо думал. Я последовала его примеру. Он долго стоял у лавочки, потом кинул на неё мою сумку. Свой портфель он продолжал держать.

– Сколько ни силюсь, не могу понять, почему ты? – зло спросил он. – В техническом плане я играл лучше. Почему ты?

– Что?.. – приглушённо спросила я. Меня словно обухом по голове огрели.

– Во время игры ты отключилась! Доигрывала произведение по-своему. И так всегда: я тружусь до седьмого пота, а потом появляется «долбанутый гений» и – результат один. Я лишь номер два! – после эмоциональной тирады он шумно выдохнул.

– Но... ты говорил... – я спотыкалась на каждом слове. – Ты говорил... говорил, что...

– Боже! – словно невероятно устав, он закрыл лицо руками. – Твоя воздушность выводит из себя.

Почему-то в детстве я думала, что когда человек поражён или удивлён, он часто моргает. Откуда в моём сознании поселилась эта мысль, не знаю, но в тот момент я поняла, что ошибалась. Я не то что моргнуть, пошевелиться не могла. Мне казалось, если сделаю это, мир разлетится вдребезги.

– За что? – я была готова разрыдаться, но выглядеть жалко не хотелось. Хотя я отчаянно сдерживала боль и обиду, влага предательски блестела на глазах.

– Раздражаешь...

– Но ты говорил... – я схватила сумку и убежала.

Я не спала всю ночь, ворочалась с боку на бок и вытирала текущие по щекам слёзы. Целую неделю я никуда не ходила, а когда, наконец, пришла в школу и мы с Кириллом встретились, он прошёл мимо. С тех пор он перестал меня замечать. Если же мы были вынуждены пересекаться, он отпускал в мой адрес язвительные и колкие замечания. Постепенно это вошло у него в привычку – он не упускал шанса сделать мне больно. Как-то я задержалась в классе, чтобы продумать, как сыграть новое конкурсное произведение – прелюдию номер пять соль мажор сочинение тридцать два С. В. Рахманинова, он подошёл и со всего размаху хлопнул нотами по столу. От неожиданности я подскочила и подняла голову. Кирилл сел напротив и, язвительно улыбнувшись, сказал:

– Возвращаю с небес на землю, а то залетаешься и, – он скорчил сочувственную гримасу, – упадёшь.

Я ничего не ответила – глупо вступать в словесную бата-

лию, если заранее предугадываешь поражение. Не мастак я в перепалках, от наглости и хамства теряюсь. Я просто отвернулась. Как в котле опытной ведьмы, во мне всё кипело, булькало и клокотало, но я скрещивала на груди руки и молчала, надеялась, что рано или поздно ему надоест меня мучить. Но Кирилл не сдавался. Как любой музыкант, он был упрям и терпелив. Возможно, моё кажущее спокойствие бесило его, и он старался найти брешь в защите.

– Я тут на днях наблюдал, – весело сказал он, – как ты руками забавно машешь. В дирижёры собралась?

– Тебя это не касается! – против обычного я не сдержалась. Даже лава временами вырывается наружу.

– Правильно! И меня это не касается, и тебя не касается. Дирижёр – мужская профессия. Тебе там делать нечего.

– Это мне решать! – крикнула я в ответ.

– Нельзя прыгнуть выше головы, – со знанием дела заверил Кирилл.

– Это выше твоей головы, а не моей! Я стану тем, кем захочу! Слышишь меня? – в тот момент злость достигла точки кипения. Боль давила музыку внутри, и это выводило из равновесия. – Я стану тем, кем захочу! – я орала во всю глотку. – Слышишь? – схватила его за ворот рубашки. – Слышишь?!

Кирилл побледнел. Его взгляд преобразился: насмешку сменило изумление, а изумление – злость.

– Дударова Вероника Борисовна, не знал, что вы учитесь в нашей музыкальной школе, – язвительно отозвался он.

– Учусь и, заметь, весьма плодотворно, – я выпустила ворот рубашки и поспешно удалилась.

К своему стыду, признаюсь, что тогда я не знала, кто такая Вероника Борисовна Дударова, и я не собиралась в дирижёры, но в тот вечер ревела в голос. Чуть позже произошёл похожий разговор, а за ним ещё и ещё. И я снова рыдала. Рыдала до тех пор, пока под глазами не образовывались тяжёлые красные мешочки, а нос не отказывался дышать. Когда мне опостылело рыдать, я открыла энциклопедию и узнала, что Вероника Борисовна Дударова – главный дирижёр и художественный руководитель Московского государственного симфонического оркестра. Женщина-дирижёр? Вот оно! Что-то щекотно шевельнулось у меня в затылке. От этой щекотки меня ломало и передёргивало. «Женщина-дирижёр! – повторяла я, как заклинание. – Женщина-дирижёр!»

Знаний в этой области мне не хватало, поэтому я обратилась с расспросами к взрослым. Кирилл оказался прав. Дирижёр, как и капитан корабля, мужская профессия – так негласно считалось. Женщины-дирижёры – редкость. Это талант от Бога, дар, исключение. «Да, – говорили мне, – женщины-дирижёры, конечно, есть: дирижёр хора, дирижёр в музыкальной школе. Как, например, наша Ирина Аркадьевна. Если хочешь...» Если хочешь... Хочешь. Нет, тогда я не хотела, меня мучила обида. Но, вопреки здравым доводам, я сказала: «Хочу».

С этого момента я начала посещать занятия по дирижёр-

скому мастерству. Моего преподавателя звали Ирина Аркадьевна Никитина. В отличие от тихой, спокойной и сдержанной Софьи Михайловны, Ирина Аркадьевна была напористой, строгой и упрямой. Когда я вошла в класс, услышала: «Спину держим ровно, ноги ставим на ширину плеч, кисти располагаем параллельно полу». Это была постановка дирижёрской стойки, которую мне в дальнейшем пришлось освоить, но тогда мне стало смешно: нелепо слышать в стенах музыкальной школы гимнастические указания. Я весело хмыкнула: «Вот тебе и дирижёр или скорее дрессижёр! Ей бы не в музыкальной школе работать, а физкультуру преподавать». Как я тогда жестоко ошибалась. Многие учителя по физкультуре позавидовали бы той дисциплине, которую поддерживала Ирина Аркадьевна. У этой волевой женщины были прямые мощные брови, из-под которых смотрели пытливые наблюдательные карие глаза. Коротко стриженные жёсткие чёрные волосы, чтобы не лезли на глаза, она часто поправляла и убирала за уши. Широкие губы, когда злилась, поджимала, а когда улыбалась, растягивала. Большой подбородок, когда думала, придерживала, а небольшой нос, когда сосредотачивалась, напрягала. Если кто-то из учеников допускал ошибку и оправдывал её фразой: «Я не подумал», Ирина Аркадьевна отвечала просто, но обстоятельно: «Зря». Как человек думающий, она много значения уделяла мозгу: «Пока здесь, – стучала указательным пальцем по лбу, – не появится мысль, здесь, – указывала на руки, – реакции

ждать бесполезно». Её любимая фраза: «Сначала мысль, потом всё остальное». Под её неусыпным контролем я постигла азы дирижирования. Ирина Аркадьевна была первым человеком, кто объяснил мне, что «танцы» рук к дирижёрскому мастерству никакого отношения не имеют. Я сразу осознала, что мои детские взмахи – эмоциональные всплески руками и только. Уроки у Ирины Аркадьевны были лёгкими, пугливыми шагами навстречу не оформившейся до конца мечте.

Я окончила музыкальную школу с твёрдым намерением бросить бесперспективное дело. Я любила музыку, и меня по-прежнему несло по её волнам, но та дорога, по которой хотела пойти, была перекрыта внутренними страхами. Ирина Аркадьевна хвалила меня, но её одобрительные реплики воспринимались мной скептически: я не верила в себя, и в этом, пожалуй, была вся загвоздка.

Когда в день выпускного я вышла из школы и повернула в сторону дома, увидела Кирилла. Он стоял с мальчишками и, обсуждая что-то, весело смеялся. Я не хотела с ним сталкиваться, поэтому повернула в другую сторону и быстро пошла прочь. Сначала я шла неспешно, но потом, вспомнив его весёлый смех, полетела, размахивая руками от злости, потом опять перешла на шаг, а потом остановилась и подумала: «Какая разница, смеётся он или нет. Хорошо, что я окончила музыкальную школу. Надеюсь, теперь мы будем видеться крайне редко, а ещё лучше, если не будем видеться вообще». Внезапно передо мной возникло лицо Кирилла.

Отгоняя видение, я отмахнулась от него, а оно на лету поймало мою руку и знакомым голосом произнесло:

– Тебя опять уносит?

– Отпусти! – Осознав, что это вовсе не мираж, я отпрянула. Чтобы высвободиться, с силой дёрнула руку.

– Ты мне чуть по лицу не попала, – мою руку он продолжал держать.

– Жаль, что чуть, – огрызнулась я.

– «Долбанутый гений», неужели ещё злишься?

– Кирилл, – взмолилась я, – отпусти. Позволь, я уйду, – я не хотела с ним спорить.

Он выпустил руку, и я быстро пошла в сторону дома.

– Постой! – крикнул он вдогонку, но я лишь ускорила шаг. – Да постой ты! – он догнал меня и преградил путь. – Я хотел спросить... – он мялся. Я впервые видела его неуверенным. – Ты дальше учиться будешь? Или... – пауза. – Нет, будешь! Ты же «долбанутый гений»! Или... – пауза. – Так будешь?

– С чего вдруг к моей скромной персоне повышенный интерес?

– Я больше не буду играть на фортепьяно, – заявил он. – Хочу связать свою жизнь с лошадьми. Меня интересует конный спорт.

– Что-о-о? – от изумления мои глаза расширились. Сначала я хотела крикнуть, что он спятил. Несмотря на обиду, я прекрасно понимала, что он смог бы достичь в музыкальном

образовании высших результатов, но сказала только: – Это твоё дело.

– А ты? Ты не ответила.

Я и на этот раз не ответила, а задала вопрос:

– Если там тебя кто-то обойдёт, уйдешь ещё куда-нибудь?

– Не знаю. – Он почему-то весело улыбнулся. – Там я вообще вряд ли буду первым, по крайней мере, сначала. А потом... Потом будет потом, – повторил он мои слова. – К тому же, мне вряд ли встретится ещё один «долбанутый гений».

– Почему? – его уверенность насторожила меня.

– На то он и гений, чтобы быть уникальным, – создавалось впечатление, что, сказав это, Кирилл с чем-то смирился.

– Да, но это бесит и раздражает, – напомнила я.

– Ещё бы! – охотно согласился он. – Особенно в тех случаях, когда, сколько ни старайся, так не получится.

– И значит, можно больше ни к чему не стремиться? – уточнила я.

– Да. Не хочу больше куда-то самозабвенно стремиться. Хочу быть собой. Хочу делать то, что хочу. Общаться с тем, с кем хочу. Ходить туда, куда хочу...

– Я обязательно стану дирижёром! – перебила я Кирилла на полуслове.

– Дирижёром? – его брови дёрнулись.

Я ожидала поймать на его лице ухмылку, но её не последовало. Тогда я собрала все силы и пошла в наступление.

– Да! Я так хочу и буду стремиться к цели самозабвенно.

– Удачи, – лёгкая улыбка коснулась его губ.

Шумели и гудели машины, разговаривали прохожие, щебетали птицы. Мы же с Кириллом молчали. Смотрели друг на друга и молчали, словно пытались запомнить этот миг, сохранить его в памяти. Потом, как по сговору, мы отступили, одновременно развернулись и, не оборачиваясь, разошлись в разные стороны. Много позже от мамы я узнала, что Кирилл стал ветеринаром. Он больше никогда не играл на фортепиано. Вообще никогда. И мы больше никогда не виделись. Вообще никогда.

Veemente⁹

Ранним весенним утром, часов в десять, когда я ещё спала, в нашей небольшой, но уютной трёхкомнатной квартире раздался звонок. Я сонно потёрла глаза, слезла с дивана, прямо в пижаме прошла в коридор (родители уехали в деревню, готовить дом к бабушкиному приезду), открыла дверь и заспанными глазами воззрилась на нежданного гостя. На пороге стояла Соня. Подруга была нарядно одета, а её лицо светилось от счастья. Соня, не спрашивая дозволения, давняя дружба позволяла ей это, прошла в дом, удивлённо и придирчиво осмотрела меня и произнесла:

– Ну, ты и *соня*! Одиннадцатый час, а ты в пижаме? Как ты могла забыть, что у нас сегодня культурный выход – выставка юных талантов.

– Соня, – простонала я, – в данный момент лень – моё второе я.

– Как хочешь, – подруга пожала плечами и сделала ход конём: – Однако, надеюсь, ты помнишь, что в *нашем* Доме культуры часто включают редкую классическую музыку...

– Иду! – Соня, по-видимому, была отменной шахматисткой.

Я кинулась в ванную: необходимо привести себя в поряд-

⁹ Veemente – (итал. взэмэнтэ) – пылко, стремительно, порывисто.

док. Наскоро почистив зубы и причесав волосы, я надела белую блузку и двойку, состоящую из голубой юбки и жилетки. Отлично! Это то, что нужно для культурного выхода. Я выскочила в коридор и уже хотела бежать, но тут мне на глаза попало любимое зеркало: толстое стекло обрамляла резная витиеватая деревянная рама. Её вырезал искусный мастер. Я нежно провела рукой по завиткам. Потом подняла глаза и посмотрела на отражение. Длинные прямые русые волосы, подстриженные лесенкой, свободно падали на плечи. Большой лоб прикрывала редкая прямая чёлка, от которой я давно мечтала избавиться, но всё никак не доходили руки. Брови вразлёт царственно восседали над зелёными глазами и напоминали о настойчивом характере. Аккуратный носик дышал ровно и размеренно. На слегка выпуклых губах застыла весёлая и довольная улыбка. «Не красавица, конечно, но симпатичная девушка, – отметила про себя. – Сойдёт». Я подскочила к вешалке, сдёрнула ветровку, засунула её под мышку и вприпрыжку обулась на ходу. Потом открыла дверь, выпихнула сменившую меня у зеркала Соню за порог, крикнула на всю квартиру: «Бабуль, я ухожу» и для пущей убедительности громко хлопнула дверью. Мы наперегонки помчались по ступенькам вниз, а потом, распугивая важно шествующих по асфальту голубей, к остановке. Запрыгнув в автобус, он подошёл как нельзя вовремя, прошли в конец салона и уселись рядом. Соня сладко потянулась.

– Скоро каникулы! Жду не дождусь, – подруга мечтатель-

но закатали глаза.

– Да-а-а-а. Каникулы – незаменимая вещь! Как только начнутся, поедем с бабушкой в деревню. Первым делом побегу к дяде Толе, послушать, как он виртуозно играет на гармошке, а потом на речку. Уже сейчас чувствую живительную влагу на теле, – я провела по рукам, убирая высыпавшие мурашки.

– Ань, – неожиданно Соня сжала губы, – как же музыка? Ты окончательно решила бросить инструмент?

– Не знаю. Надо подумать, – я отвечала коротко и отрывисто: мне не хотелось затрагивать болезненную тему.

– Это из-за Кирилла? – уточнила подруга. – Не глупи! – вспыхнула она, так как не заметила моего отрицания. – Ты любишь музыку.

– Наша! – я схватила Соню за руку, и мы юркнули в заднюю дверь.

Как раз вовремя. Звучно скрипнули петли, и автобус поехал дальше. Соня оправила одежду и волосы. Взявшись за руки, мы не спеша пошли к Дому культуры. Подруга вспомнила смешную детскую песенку, заученную нами с детства. Слова припева мы передавали друг другу, как эстафету. Я была рада, что Соня забыла о нашем разговоре в автобусе: воспоминания о Кирилле были ещё болезненными.

Народу на выставке юных талантов было немного: две разновозрастные пары, студент с книжкой или блокнотом под мышкой, господин неопределённого возраста, предста-

вительная дама в дорогом синем костюме, оттенённом шейным платочком, и группа из четырёх старшеклассников. Посетители свободно распределились по залу. Никто никому не мешал. Пары долго, со знанием дела, рассматривали полотна и тихо о чём-то переговаривались. Мужчина неопределённого возраста задумчиво тёр бороду, неторопливо переходя от одной картины к другой. Школьники шушукались и весело улыбались, обсуждая серый фон с разноцветными вкраплениями и странными мазками. Представительная дама расспрашивала смотрительницу зала о полотне, которое пленило её. Студент, изучая картины, странно вытягивал шею и покусывал нижнюю губу. Я толкнула Соню в плечо и прошептала на ухо:

– Не понимаю, что они находят в этих каляках-маляках под названием абстракция? Нарисована полная ерунда, а они с умным видом рассуждают о мыслях художника. Мало ли о чём тот думал и думал ли вообще, – я указала на витиеватый рисунок из разноцветных лент. – Пойдём в другой зал. Здесь скучно и нет музыки.

– Ты чересчур категорична, – недовольно буркнула Соня, но пошла следом.

Мы медленно прошли в другой зал. Вот там, действительно, тихонько играла музыка. Звучал канон ре мажор Иогана Пахельбеля, который я однажды слышала по радио. Я застыла – выставка меня больше не интересовала. Потолок растворился, невзрачные стены отступили, пол ушёл вниз – мир

музыкальных красок исходил из динамиков, подвешенных у потолка. Скачкообразные, волнистые, нежные, чарующие звуки раскрыли мне объёты – я обратилась в слух. Музыка я вдыхала кожей, мне казалось, каждый нерв тонко отзывается на её замысловатый рисунок. Соня обречённо вздохнула, мастерски пододвинула меня с прохода, а сама отправилась осматривать картины. Не знаю, как долго мир звуков владел мной, но вдруг я почувствовала, как кто-то дёргает меня за рукав. Я сердито фыркнула и повернулась. На меня требовательно смотрела Соня. Она странно хмурилась и явно что-то говорила. Я поняла это, потому что видела, как шевелятся её губы, но я её не слышала, я слышала только музыку. Для того чтобы услышать голос, мне необходимо было переключиться на обычный слух – тут же возникло её удивлённое подростковое сопрано.

– Пойдём, посмотришь, – она повторно потянула меня за рукав блузки. – Не знала, что подобное бывает. Не может же человек, не видя цветов, рисовать, – она подвела меня к картине, на которой была изображена берёза на берегу речки или пруда, освещённая лучами заходящего солнца.

Когда я увидела картину, внутри что-то дёрнулось, по телу пробежали мурашки. Там, на берегу, было хорошо, тепло, уютно. Я чувствовала лёгкий ветерок и вечернюю свежесть, вдыхала аромат душистых трав, ощущала мягкие прикосновения угасающего светила, наслаждалась состоянием умиротворения, слышала Пахельбеля. Флейта стала мягким

лёгким июньским вечерним ветром. Виолончели и контрабасы – степенной, уже прогретой лучами матушкой-землёй. Скрипки – заходящим нежным солнцем. Арфа – прохладной освежающей водой. Музыка с пейзажем слились воедино. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного. То была не эйфория, то была одухотворённость: моя душа пела от счастья. На лице застыла трогательная улыбка, а на глазах образовалась влага. Я подалась вперёд. То был не рывок, а сила притяжения – меня влекло к картине. Из состояния одухотворённости меня выдернуло прикосновение Сониной руки. Подруга подняла руку и ткнула пальцем в висевшую рядом надпись. Я прочла: «Георгий Палинов. Тысяча девятьсот восемьдесят второй год», – дата рождения указывала на то, что ему двадцать один год. Дальше шло описание картины. Я никак не могла взять в толк, зачем Соня, вырвав из кокона блаженства, указала на безжизненный белый лист, но тут я прочла то, что её заинтересовало. Надпись гласила: «Георгий с рождения не ощущает цветов». «Бред какой-то», – я недоуменно посмотрела на подругу.

– Разве так бывает? – рассуждала я вслух. – Как можно не видеть цветов? – перед глазами предстал экран чёрно-белого телевизора. Я попыталась представить окружающую меня действительность в серых тонах.

– Может, он дальтоник? – предположила подруга. – Это когда человек...

– Здесь написано: не путает, а не ощущает. Нельзя рисо-

вать, не видя цветов! – меня снедали удивление и любопытство. – Ерунда какая-то!

– Может, спросим кого-нибудь? – Соня осмотрелась по сторонам.

– Надо спрашивать не кого-нибудь, а его, – я указала на картину, – Георгия Палинова, – лучше этого странного человека ситуацию вряд ли кто-то сможет здраво объяснить.

– Чтобы его спросить, надо его найти, – Соня бегло просмотрела лист с информацией, но кроме скудных сведений в начале страницы, об авторе ничего не говорилось.

– Значит, найдём, – заверила я её.

– Как? – Соня с сомнением покачала головой. – Мало ли откуда эта картина. Может, её с Северного полюса привезли, – у подруги разыгралось воображение. – Туда отправишься? – ожидая ответа, она с интересом наблюдала за мной.

– Сейчас узнаем, с какого полюса её привезли.

Я подошла к весёлой маленькой старушке в сером костюме. Весёлой она мне показалась оттого, что лукаво всем улыбалась. Создавалось ощущение, словно она знает что-то такое, что неведомо другим. Без лишних предисловий я спросила, как разыскать автора картины. Смотрительница ответила, что ничего об авторах не знает и подобную информацию можно уточнить только у руководителя Дома культуры. К счастью для нас, этот самый руководитель находился на этой самой выставке. Старушка сначала указала на него рукой, а потом сказала, что нам необычайно повезло: Федора

Васильевича редко можно застать на месте. Я не стала долго раздумывать и направилась к высокому полному дядьке в строгом костюме, с залысынами и в очках. Он неторопливо плыл по залу под ручку с маленькой красиво одетой «карманной» дамой и, указывая на элементы картин, что-то тихо рассказывал и объяснял гостье. Та согласно кивала в ответ.

– Вы руководитель Дома культуры? – нарочито громко спросила я.

От неожиданности он вздрогнул и нехотя повернулся.

– Да, я. Зачем, позвольте узнать, я вам понадобился? – мужчина важно приподнял подбородок. Наверное, он думал, что это придаёт ему солидности, но на деле казалось, что он не к месту задирает нос.

– Мы с подругой наткнулись на одну картину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.